

Послание современникам и потомкам

Новое — и уже далеко не первое — издание книги Примо Леви «Человек ли это?» появится на рубеже второго и третьего десятилетия XXI века, в год 75-летия Победы над фашизмом, завершения Великой Отечественной и Второй мировой войн. Этот год совпал с пандемией нового коронавируса, которая обрушилась на человечество, обнаружив хрупкость глобальных связей между государствами, корпорациями, политическими структурами. Она вызвала глубочайший экономический и социально-психологический кризис, который лидеры ряда стран сравнивали с Третьей мировой войной. Но сравнение это явно некорректно. При том что каждое государство занялось своими внутренними проблемами, обнажив эгоистические интересы, довольно скоро стало ясно, что в одиночку их решить невозможно. Но самое главное, была продемонстрирована готовность защищать каждую человеческую жизнь. Борьба с пандемией — это гуманистический акт планетарного масштаба. И это совсем непохоже на трагедию Второй мировой войны. Мир, отделенный от кровавой бойни 1939–1945 годов, стал другим. И кажется, что, несмотря на мучающие нас проблемы, все фундаментальные ужасы человеконенавистничества остались в прошлом веке.

Такое ощущение рождается, как правило, в пору перехода от одного столетия к другому, когда наше чванливое высокомерие с такой скоростью устремлялось в будущее, словно перемены в календаре защищали нас от нас же самих, каким-то неведомым образом улучшая человеческую природу.

Мы стараемся забыть свое прошлое — особенно те его моменты, когда немалая часть человечества проявляла не лучшие свои качества, безжалостно и изощренно уничтожая других. Этими другими могли быть люди другой расы или нации, а могли быть соотечественники, исповедующие другую веру или другие политические взгляды. Или вообще ни в чем не повинные люди, просто попавшие под каток исторической необходимости. Резервации для аборигенов в Австралии, невольничьи лагеря в Соединенных Штатах, ГУЛАГ и Освенцим (Бухенвальд, Майданек и т.д.) мало чем отличались друг от друга. Апология неволи для одних и безнаказанности для других сначала уничтожала человеческую природу, а затем и государственные системы, порождающие насилие одних над другими.

Правда, только в ГУЛАГе и в нацистских лагерях уничтожения палачи нередко становились жертвами и заполняли опустевшие бараки, которые еще недавно они охраняли сами.

Понятно, что человечество хочет сохранить хорошую память о себе самом для собственного потомства. Но реальное будущее можно строить, как писал Т.С. Элиот, только на реальном прошлом.

В политике действуют свои законы — желание ФРГ оставить в минувшем веке тринадцать лет гитлеровского рейха столь же объяснимо, как и желание России помнить, кто и какой ценой стал победителем в самой страшной войне, которую когда-либо знало человечество.

Но книга Примо Леви, завершенная в январе 1947 года, через два года после того, как он вышел из Освенцима, — эта книга написана не о законах политики, а о проблемах человеческого существования: перед лицом жизни и перед лицом смерти.

В отличие от своих французских современников — Ж.-П. Сартра прежде всего, — Примо Леви не культивирует героический жест перед лицом смерти. Его занимает иное: само человеческое существование. Точнее — те пределы, в которых человек сохраняет свою индивидуальность, и граница между биологическим и духовным существованием.

У Леви нет пафоса притягивания или непритягивания людей в зависимости от их способности (или неспособности) к сопротивлению обстоятельствам. Он рассказывает о том, что было и что есть на самом деле, что происходило с человеком из плоти и крови, которому надо есть, пить, опорожнять свой кишечник и мочевой пузырь, мыться, согревать свое тело и предохранять себя от непосильного труда, голода — и от себе подобных. Он размышляет о человеке, который попал в такие предлагаемые обстоятельства, что были созданы не просто для уничтожения человека как биологической массы, но как духовного существа.

Примо Леви не пишет о фашистах, о тех, кто охранял и убивал. Они, создавшие этот безупречный механизм смерти, практически не интересуют его. Разве что одно пронзительное наблюдение: немцы продолжают строить химический завод рядом с лагерем, когда советские войска уже подходят к Освенциму, — нет приказа, останавливающего строительство; это ли не свидетельство полного абсурда закованного в броню немецкого порядка. Но Леви не волнует, что там внутри.

В 1945-м, 46-м и 47-м годах он был слишком обожен лагерем, чтобы думать о трагедии палачей. Он размышляет о трагедии жертв. О трагедии разрушения тех европейских гуманистических ценностей, которые сформировали его самого, дипломированного миланского химика, потом партизана и, наконец, узника одного из лагерей Освенцима. «Уничтожить человека трудно, почти так же трудно, как и создать, — пишет он после эпизода казни на лагерьном плацу. — Но вам, немцы, это в конце концов удалось. Смотрите на нас, покорно идущих перед вами, и не бойтесь: мы неспособны ни на мятеж, ни на протест, ни даже на осуждающий взгляд».

Книга Леви потрясает не живописанием того, как люди убивали людей, — об этом написано много и порой в высшей степени талантливо. Она ошеломляет скрупулезным, деталь к детали, и абсолютно беспартийным повествованием о том, как в людях убивали людей. О том, как, выживая биологически, люди теряли последние представления о том, что хорошо и что плохо, — лагерная мораль отличается от обычной вовсе не количественными показателями. Она совсем другая, из жизни иного биологического вида. Но сам факт, что вид этот — тоже (тот же) человек, потрясает еще в большей степени.

Книгу Леви, после того как к ней пришла мировая слава (а случилось это после второго издания в 1957 году), нередко сравнивали с «Одним днем Ивана Денисовича» Александра Солженицына. Но мне кажется, что она ближе прозе Варлама Шаламова с его бесстрашным взглядом на беспределность человеческого падения и человеческого величия.

Впрочем, всякие сравнения имеют свои изъяны. Творчество Примо Леви сороковых–пятидесятых годов — плоть от плоти итальянского неореализма, обостренно внимательного к любому проявлению

жизни, культивирующему бесценность бескорыстных человеческих отношений.

«С первого (...) проявления гуманности начался новый отсчет: оставшиеся в живых хефтлиги («заключенные». — *М.Ш.*) стали снова превращаться в людей». От отчаяния читателя книги спасает именно эта фраза. Люди вновь становятся людьми — только путь к себе так же мучителен, как и путь от себя.

Книга Примо Леви пришла к российскому читателю более чем через полвека после первого издания в Турине. Но такие книги никогда не опаздывают. Они всегда ко времени. Потому что мы никогда не сможем понять мир, в котором живем — его прошлое, настоящее и будущее, — если не будем помнить, что ад и рай — внутри каждого из нас.

Книга Примо Леви — послание из прошлого в будущее.

Послание, которое надо прочесть современникам и потомкам. Как и другие книги о лагерях смерти. Их строили люди для людей.

Эти книги нужно читать и ясно помнить, о чем и зачем они написаны.

Увы, история повторяется не только как фарс.

Михаил Швыдкой

Предисловие

Мне повезло: я был депортирован в Освенцим только в сорок четвертом году — уже после того, как немецкие власти, учитывая все возрастающую нехватку рабочих рук, решили увеличить среднюю продолжительность жизни обреченных на уничтожение узников, ощутило улучшив условия их существования и временно прекратив бесконтрольные убийства.

Поэтому, что касается ужасающих подробностей, моя книга не прибавит ничего нового к известной всему миру чудовищной правде о лагерях смерти. Она написана не с целью выдвинуть новые обвинения; скорее содержащиеся в ней факты могут послужить для бесстрастного изучения некоторых особенностей человеческой души. Многие люди и целые народы, не всегда отдавая себе в этом отчет, считают, что «всякий чужой — враг». У большинства это убеждение таится глубоко в душе, словно скрытая инфекция, и, проявляясь лишь в эпизодических и несогласованных действиях, не заложено в системе мышления. Но когда убеждение укореняется, когда смутное представление становится большей посылкой силлогизма, тогда в конце цепи возникает лагерь. Он — результат во-

площенного с неукоснительной логикой миропонимания, и до тех пор, пока такое миропонимание существует, существует и угроза его воплощения. История лагерей уничтожения должна стать для всех зловещим сигналом опасности.

Я знаю о недостатках в построении книги и прошу извинить меня за них. Если не фактически, то как идея она родилась в дни лагеря. Необходимость рассказать «остальным», сделать «остальных» соучастниками, приняла для нас, до освобождения и после, характер настолько неотложной и настойчивой потребности, что вступила в соперничество со всеми иными потребностями; при этом главным стимулом к написанию книги стала попытка внутреннего освобождения. Отсюда ее фрагментарный характер: отдельные главы писались не в логической последовательности, но в зависимости от того, о чем не терпелось рассказать в первую очередь. Общий план книги появился уже потом, так что работа по соединению глав и распределению материала была сделана позже.

Мне представляется излишним добавлять, что ни один из фактов не является вымышленным.

Примо Леви

ЧЕЛОВЕК ЛИ ЭТО?

Вы, что живете спокойно
В теплых своих жилищах,
Вы, кого дома по вечерам
Ждет горячий ужин и милые лица,
Подумайте, человек ли это —
Тот, кто не знает покоя,
Кто работает по колено в грязи,
Кто борется за хлебные крохи,
Кто умирает по слову «да» или «нет».
Подумайте, женщина ли это —
Без волос и без имени,
Без сил на воспоминанья,
С пустыми глазами, с холодным лоном
Точно у зимней лягушки?

Представьте, что все это было:
Заповедую вам эти строки.
Запечатлейте их в сердце,
Твердите их дома, на улице,
Спать ложась, просыпаясь.
Повторяйте их вашим детям.
А не то пусть рухнут ваши дома,
Пусть болезнь одолеет,
Пусть отвернутся от вас ваши чада*.

* Перевод Евгения Солоновича.